

ВИКТУАР ДОКСЕР

СОВМЕСТНО
С ВАЛЕРИ ПЕРОННЕТ

*Недостаточно
худая*

ДНЕВНИК ТОП-МОДЕЛИ

ОДРИ

Мода. TRUESTORY

Виктуар Доксер

**Недостаточно худая.
Дневник топ-модели**

«ОДРИ»

2016

УДК 687:929
ББК 37.24-2

Доксер В.

Недостаточно худая. Дневник топ-модели / В. Доксер — «ОДРИ»,
2016 — (Мода. TRUESTORY)

ISBN 978-5-04-088760-6

Откровенные, местами шокирующие мемуары бывшей топ-модели Виктуар Доксер, которая в 17 лет покорила все мировые подиумы, едва вступив в мир моды. Стремительный взлет, попадание в двадчатку самых востребованных моделей, участие в показах ведущих кутюрье: Céline, Alexander McQueen, Miu Miu, Vanessa Bruno – жизнь, о которой мечтают миллионы девушек. Но у этой сказки есть обратная сторона: тиранические требования агентств, из-за которых Виктуар пришлось похудеть на 10 килограммов, съедая всего лишь три яблока в день; безжалостная система отбора, заставляющая девушек вести себя как хищницы в джунглях. Это правдивый рассказ о том, как индустрия моды поглощает людей, оставляя от них лишь красивую картинку. И как триумфальный дебют может привести к попытке самоубийства.

УДК 687:929

ББК 37.24-2

ISBN 978-5-04-088760-6

© Доксер В., 2016
© ОДРИ, 2016

Содержание

Взгляд в прошлое	6
Клаудия Шиффер	7
В ожидании экзаменационных результатов	10
Чуть винтажа, чуть классики	13
Храм моды	16
Игра тела	20
Уроки ходьбы	23
83–60–88	27
Три яблока в день	29
Юки	33
Американская мечта	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктуар Доксер, Валери Пероннет

Недостаточно худая. Дневник топ-модели

*Моим дорогим братьям, Алексису и Леопольду.
Моему дедушке, которого мне так не хватает.
Всем женщинам.*

*«В небе звезды
Судьбою нашей сверху руководят».
Шекспир, «Король Лир». Акт IV. Сцена 3*

Victoire DAUXERRE, Valérie PÉRONNET

Jamais assez maigre

© Editions Les Arfènes, Paris, 2016

© Баттиста В. Д., перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Взгляд в прошлое

Больше не было желания даже думать об этом. Мне стало намного лучше. В любом случае гораздо лучше, чем прежде. Жизнь вернулась в свое привычное русло. Я опять занялась учебой. Переехала на другую квартиру. Нашла нового парня, а затем и новую работу. Почти осязаемое будущее. Моя фигура начала наконец принимать вполне приемлемые очертания. Я все серьезнее стала задумываться над тем, чтобы посвятить себя актерской работе в театре, поскольку в конечном итоге это была единственная вещь, которая меня интересовала по-настоящему.

А затем меня позвала мама: «Мой Луч, я написала электронное письмо этому депутату, который хочет провести в парламенте закон об анорексии». Она хотела, чтобы я его прочитала и сказала, согласна ли я с текстом и можно ли оставить мой контактный телефон. Я прочитала. Конечно, я была согласна. И конечно, у меня было желание оставить свои координаты.

Она отправила письмо. Начали звонить журналисты, заваливая вопросами. Я рассказала им свою историю. И все понеслось сначала.

Еда.

Еда, чтобы насытить свое тело. Еда, чтобы насытить эту жизнь. Ненависть к еде. И, несмотря на это, ее неуклонное потребление. Наблюдение за тем, как изменяется контур моего тела, которое я принудительно набивала пищей и так же принудительно его немедленно освобождала от нее. Непонимание своего тела и ненависть к нему. Непонимание себя и ненависть к себе. Ощущение себя ужасной, уродливой, опустошенной. Практически ничем.

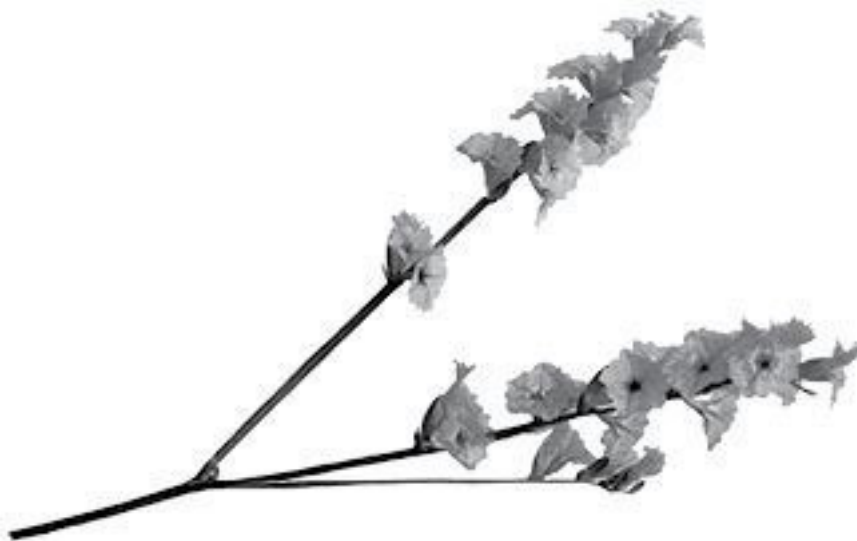
Именно в этот момент я приняла решение написать обо всем. Раз и навсегда снова пережить эти восемь месяцев, зависшие в жизненном вакууме. Написать об этом неотступном головокружении. Об этом диком и животном страхе, пожиравшем мое тело и мою душу, если такая еще осталась.

И об одиночестве.

Об одиночестве среди всех этих циников, мерзавцев, несчастных или просто ничтожных людей. Об отвратительном, скелетообразном уродстве среди всей этой красоты. И о самой смерти, кружащей в игре света и тени, укутанной в мех и шелка, украшенной стразами, кружевами, атласными лентами и возведенной на 18-сантиметровые каблуки.

О смерти, которая почти стала моей собственной судьбой.

Клаудия Шиффер

Было воскресенье. Мама практически силой вытащила меня прогуляться по улочкам квартала Марэ, чтобы «проветрить мозги». У меня не было никакого желания идти. У меня вообще ни на что не было никакого желания. Я готовилась к выпускным экзаменам в школе и вступительным экзаменам в Институт политических исследований Парижа, приближение которых вызывало во мне все большую тревогу. Но больше всего меня терзала другая печаль. Тоска по первой любви к Юго, который только что бросил меня ради этой Джульетты. Бросил. Выкинул, как бесполезный и ненужный предмет. Несколько слов, сказанных им, звенели как пощечина по лицу, как удар ножом в самое сердце. Крах и поражение. С той самой минуты я не переставала чувствовать себя плохо, очень плохо, и даже испытывать небольшой страх. Страх снова и снова быть брошенной. Страх остаться в одиночестве и не суметь вовремя понять, куда мне дальше идти по этой жизни, а главное – с кем. Страх перед неизвестностью. Страх совершить ошибку или, может быть, вовсе потеряться.

В одну секунду все стало каким-то реально сложным. «Безоблачные деньки» средней школы закончились, как только я перешла в старшие классы и изменения в учебном расписании разлучили меня с большинством моих друзей. Я полностью отказалась от работы и решила, что ноги моей больше не будет в лицее – к выпускным экзаменам я буду готовиться дома самостоятельно. Перед тем как озвучить эту новость родителям, я все подготовила до мелочей: нашла контактную информацию лица, где можно учиться дистанционно, составила поминутное расписание занятий, чтобы они убедились в серьезности моих намерений, и, конечно же, дала самой себе обещание сделать все от себя зависящее, чтобы стать лучшей выпускницей.

Мои родители были не в восторге, но согласились со мной. Потому что знали мой характер. Я была прилежной ученицей, я умела полностью отдаваться тому, что я делаю, и, что более важно, всегда считала неприемлемой для себя неудачу в исполнении задуманного. Особенно если речь шла о том, чтобы припереть их в угол. Так что я буду готовиться к выпускным экзаменам дома. И получу наивысшие баллы.

Принятое решение привнесло упорядоченности в повседневные дни. Мне всегда нравилось все делать быстро. Любые проволочки нагоняли на меня тоску. Программу учебного года я решила осилить за шесть месяцев, чтобы высвободить для себя достаточно времени для других вещей. Таких, как длительные каникулы с любимыми дедушкой и бабушкой, уроки сальсы и танго, курсы актерского мастерства, прогулки и вечеринки с моим двоюродным бра-

том Томом и его тридцатилетними друзьями, а также встречи с моей лучшей подругой Софи, с которой мы познакомились на танцах. Моя жизнь была четко распланирована.

Я вставала в восемь утра и уже в девять усаживалась за уроки в компании своей кошки по имени Пушинка, в то время как моя мама творила в своей мастерской. Моя мама – художница, она рисует, лепит, делает коллажи и конструирует. Она может заниматься абсолютно всем. А затем наступало время обеда, когда можно было отвлечься на глупые сериалы, идущие по телевизору. Мама никогда не отличалась особым аппетитом и редко когда прерывалась на обед. Но я частенько приходила к ней в мастерскую, чтобы побыть с нею рядом. Либо мы уходили вместе на выставку или в магазин и проводили там все время, пока мальчишки не возвращались из школы.

У меня есть два брата. Алексис младше меня на полтора года, а Леопольд – на целых шесть лет. Я всегда чувствовала себя такой счастливой, когда они приходили домой. Мы собирались все на кухне за чашкой чая, и жизнь казалась такой безопасной и безмятежной.

* * *

«Даю голову на отсечение, ты – будущая Клаудия Шиффер!» Мы рассматривали часы в витрине одного из магазинов на улице Фран-Буржуа, когда худощавый темнокожий парень невысокого роста подошел ко мне. Он едва доставал до моего плеча. Я оглядела его с ног до головы, он улыбнулся мне в ответ. «Ты никогда не думала стать топ-моделью?» Ха-ха-ха. Превосходная техника склеить себе девчонку. Спасибо и до свидания. Но вместо того, чтобы проигнорировать его, мама проявила неожиданную заинтересованность. «Ваша дочь невероятно красива. У нее потрясающий нос! Он придает баланс лицу и будет идеально ловить свет! Поверьте, я в этом разбираюсь».

Он в этом разбирается? В носах? Мне было ужасно смешно, поскольку я лучше других знала свой нос. На нем была небольшая горбинка, которая по материнской линии передавалась на протяжении вот уже трех поколений и которую я неустанно терла все свое детство в надежде на то, что она хоть немного сровняется. Терла настолько сильно, что на этом месте навсегда осталась небольшая синяя отметина. Любой истинный «знаток» сразу бы понял, что если с моим лицом и были какие-то проблемы, их создавал мне именно мой нос.

Он продолжал настаивать, обращаясь ко мне на «ты» и в такой непринужденной манере, как будто мы были знакомы множество лет. «Клянусь, я знаю, что я говорю. Я работаю на модельное агентство под названием Elite. Не знаю, слышала ли ты когда-нибудь о них. Уверяю, ты создана для этой профессии. Я могу устроить так, что тебя возьмут на Неделю моды в Нью-Йорке уже в этом сентябре, и ты произведешь там фурор. Вот, держи мою визитку. Подумай и позвони мне. Говорю, ты создана для этого. Если позволишь мне все организовать, я сделаю из тебя топ-модель».

Я поблагодарила его и сказала, что занята подготовкой сначала к выпускным, а затем к вступительным экзаменам в Институт политических исследований и ни о том ни о другом не упоминается в его визитке.

«Просто позвони мне», – сказал он и ушел.

Мама смотрела на меня, широко улыбаясь. Как только он исчез из виду, мы обе рассмеялись в полный голос. Так, значит, все эти рассказы об «охотниках» из модельных агентств, высматривающих девушек прямо вот так, на улице, напротив витрин ювелирных магазинов, были правдой! Топ-модель? Что же будет дальше?

Тем не менее Elite реально было громким именем! Не могу сказать, что я была большим фанатом модных тенденций, но я читала некоторые женские журналы и знала, что Elite было одним из ведущих агентств в мире. Быстрый поиск информации в Интернете тем же вечером подтвердил мои догадки: Наоми Кэмпбелл, Синди Кроуфорд, Клаудия Шиффер, Линда Эван-

гелиста... Даже если этот Себ – имя Себастьян значилось на его визитке – немного перегнул палку, все равно было приятно думать, что, по его мнению, я, возможно, могла стать частью этой избранной группы самых красивых девушек на планете!

Это меня немного воодушевило. Я отложила его визитку в дальний уголок моего стола, а его сладкие речи – в дальний уголок моей памяти и вернулась к занятиям. В глубине души я изо всех сил старалась контролировать тревогу, от которой сжималось все тело при каждой мысли о приближающихся экзаменах. Я прекрасно знала, что сдам выпускные экзамены без проблем, но все равно жутко боялась провалить их. Что до вступительных экзаменов – это была задача, состоящая из одних неизвестных. Даже мои неизменно высочайшие школьные отметки не приносили ни малейшего успокоения. Чем четче на горизонте вырисовывались вступительные экзамены, тем в большее оцепенение я впадала. Я была не просто обеспокоена, я пребывала в состоянии паники, всего лишь представляя себе, что могу провалиться и оказаться ни на что не способной. Оказаться ничем.

В ожидании экзаменационных результатов

Я сдала все экзамены с решимостью непобедимого воина. Я была как маленький солдат на огромной войне. Чертовски хороший солдат, если хотите. Но если выпускные экзамены не представляли собой особых проблем, то вступительные экзамены в Институт политических исследований были совсем иным делом! Я впадала в состояние жуткого стресса от одной только мысли о том, что ничего не знаю, что мне может попасться именно ТА тема, которую я недостаточно изучила. Я сделала все зависящее от себя, чтобы подготовиться, но повторить весь учебный материал было просто невозможно... Я ощущала уверенность в своих силах и определенную долю контроля над ситуацией и в то же время чувствовала себя уязвимой и зависимой от воли случая, который мог расстроить абсолютно все мои планы. Как тот факт, например, что экзамен проходил в аудитории без кондиционера, где температура воздуха достигала 40 градусов. Вот уж действительно неясно, что было для меня большим испытанием. И потом, будет ли набранных баллов достаточно для поступления в Институт политических исследований или в другие институты, куда я также подавала свои документы? Ответ на этот вопрос я могла узнать не раньше конца июля.

Между делом я решила позвонить Себу. Просто посмотреть, что к чему. Когда я спросила его, помнит ли он меня, он ответил: «Вряд ли я мог тебя вообще забыть!» Понимаю, что это звучит глупо, но мне сильно польстили его слова. В конечном счете, это был запасной вариант: если я окажусь недостаточно умной, чтобы преуспеть в журналистике, театре, политике или тому подобном, может, я смогу добиться чего-то в жизни благодаря своему «телу мечты»?

Мы договорились о встрече. Мама подбросила меня до дверей его офиса недалеко от бульвара Сен-Мишель и повторила раз пятнадцать: «Любая малейшая проблема – и ты уходишь. Обещай мне. Позвони, и я сразу приеду!» Я попросила маму не волноваться. Я просто хотела узнать подробней о работе, выяснить, как все устроено и что он может мне предложить. И потом, если я не поступлю в Институт политических исследований или любой другой институт, у меня будет возможность оказаться на Неделе моды в Нью-Йорке, о котором я мечтала со времен просмотра сериалов *«Друзья»* и *«Секс в большом городе»*. И кто знает, может, эта Неделя моды меня действительно заинтересует.

Этот парень палил как из автомата. Он не переставал говорить с той самой секунды, как я появилась на пороге: моя красота, мой нос, мои голубые глаза, мои бесконечные ноги. «Какой у тебя рост? Навскидку 178 сантиметров, угадал? Прямо в точку, я так и знал! Ты само совершенство, мой ангел. Со-вер-шенст-во!» А затем меня закружил водоворот рассказов об агентствах,

показах мод, кастингах, фотосессиях, изысканных нарядах величайших дизайнеров, рекламных кампаниях с многомиллионными гонорарами, фантастических отелях по всему миру и ведущих топ-моделях, которых он лично нашел и возвел на олимп профессии. Я вежливо сидела и слушала, как он разговаривает со мной как с дурочкой. Если он был настолько успешен, что он делал в этой маленькой потрепанной квартире-студии, принадлежавшей даже не ему, а его подружке Клементин – симпатичной, немного полноватой девушке, которая мечтала стать актрисой и также следовала его «наставлениям»?

Актерская карьера была и моей мечтой. Я хотела стать актрисой с того самого момента, когда в возрасте восьми лет впервые увидела Роми Шнайдер в фильме «*Сисси*». Я сдавала экзамены в Институт политических исследований только потому, что всегда была прилежной ученицей, а мой папа советовал получить мне сначала достойное образование. Но актерская карьера всегда была моим истинным желанием. «Ты с ума сошла, Виктуар! – заявил Себ. – Даже не думай об этом. У тебя внешность модели, а не актрисы. Как только я увидел Марион Котийяр в «*Такси*», я сразу понял, самым первым из всех, что она станет кинозвездой. Что-то в ней такое есть. А у тебя этого нет. Ты – топ-модель. Ну, не голливудское у тебя личико».

Он все больше начинал действовать мне на нервы – все эти бесконечные разговоры о себе самом и шквал известных имен. Все немного отдавало фальшью, включая хвастливый рассказ о том, что он был сыном известного африканского дипломата и тоже собирался поступать в Институт политических исследований (какое совпадение!), но в конечном итоге решил посвятить себя «обучению своих подопечных». Какая-то жалкая смесь мишуры, поддельных желаний и каторжного труда. И тем не менее речь шла о модельном агентстве Elite, и он уверял меня, что может легко найти в нем место для меня!

Мы сделали несколько фотографий. Вернее, «полароидов». Конечно, название сохранялось от старой камеры, позволяющей делать моментальную фотосъемку. Но в современной действительности это были цифровые снимки, которые просто не подвергались какой-либо дополнительной ретуши или обработке. Именно их он собирался показать Elite. Он подхватил со стола разбросанные журналы *Vogue* и показал мне основы позирования: волосы отброшены назад, чтобы было лучше видно лицо, голова слегка наклонена, глаза смотрят вперед. «Покажи всю глубину своего взгляда. Должно быть впечатление, что ты думаешь о чем-то. И чуть-чуть приоткрой рот, чтобы не было ощущения замкнутости в себе». С одной стороны, мне хотелось немного поиздеваться над ним, но в то же время другая часть меня старалась изо всех сил выполнить все его инструкции, которые он выстреливал одну за другой. Себ был прав: позирование оказалось поистине профессиональным искусством. Но хотела ли я сделать его своей профессией?

Уходя домой, я сказала ему, что еще раз обо всем серьезно подумаю.

* * *

Вечером дома состоялась долгая беседа с моими родителями. Папе безумно нравилась эта идея: «Ты представляешь себе, Виктуар, какая это возможность? Ты будешь путешествовать по всему миру, посещать самые красивые места и зарабатывать огромную кучу денег, особо ничего не делая. Другого такого шанса не представится. Ты еще очень молода, так что годик можешь уделить этой работе». Он был прав. Что, если это действительно было уникальной возможностью, которую давала мне жизнь? Мама немного сомневалась. Если меня примут в Институт политических исследований или другой вуз, не будет ли ошибкой отказаться? Конечно, предложение Себа звучало более чем заманчиво, но не наскучит ли мне это столь же быстро, как и все остальное? Не пожалею ли я о принятом решении? Или, что еще хуже, не обрушусь ли я на них потом с обвинениями и упреками за то, что позволили мне сделать неверный выбор?

Я отправилась спать, прокручивая в голове слова Себа, фотографии из журналов, которые он постоянно перелистывал, весь этот профессиональный жаргон, которым он меня опутал, как щупальцами, и громкие имена и названия, брошенные как бы между делом: Нью-Йорк, Токио, Лондон, «полароиды», фотопробы, «брони» и кастинги, Диор, Гальяно, Селин, Кастельбажак, Клаудия, Наталья, Кейт... Если сейчас я скажу «нет», не буду ли я потом сожалеть об этом до конца своих дней?

На следующее утро я ему позвонила: да, я хотела бы встретиться с Elite. Просто посмотреть, что к чему.

Чуть винтажа, чуть классики

Начиная с этого момента все закрутилось очень быстро. Был уже конец июня. В начале августа я должна была отправиться в длительное путешествие вдоль Западного побережья США вместе с Алексисом, Леопольдом и родителями, решившими подобным образом отметить двадцатую годовщину своей свадьбы. А кастинг для Недели моды стартовал в Нью-Йорке в сентябре. Так что у меня оставался всего лишь месяц на то, чтобы подготовиться к встрече с Elite, реально встретиться с ними, все хорошенько еще раз обдумать, провести переговоры, подписать (или не подписать) контракт, изучить технику и базовые правила работы и в принципе привыкнуть ко всему этому... Себ организовал встречу за три дня. «Я с ними уже разговаривал насчет тебя. Как только они увидели «полароиды», они тут же сказали мне: «Приведи ее немедленно!»

Немедленно – это прекрасно, но не раньше, чем я приму «модельный образ»: обтягивающие черные джинсы, чтобы как можно больше подчеркнуть ноги; черный топ марки Petit Bateau, чтобы как можно выгоднее подать верх, а затем «чуть винтажа и чуть классики – вот что лежит в основе волшебного баланса моды, детка». На этой волне вместе с Себом мы и отправились в квартал Марэ за покупками. Он выбрал для меня какой-то ужасный жакет цвета хаки, от которого за версту разило комиссионкой и который, по мнению Себа, выглядел «безууу-пречно, то, что нам и нужно». Значит, «мы» искали именно этот бесформенный и тошнотворный мешок из-под картошки, чтобы скрыть все мои формы? «Поверь мне, – сказал он, – этим я зарабатываю себе на жизнь. Так что подожди, когда подберем туфли – вот тогда ты увидишь!»

За обувью мы отправились на метро до станции «Франклин Д. Рузвельт», выходящей на Елисейские Поля, и оттуда напрямик в Balmain. Распродажи подходили к концу, так что можно было «отхватить» что-то достойное за «каких-нибудь» четыреста евро. Я в жизни не тратила столько денег на обувь! Я начала блуждать по магазину, размышляя над тем, насколько реально он был уверен во мне, если был готов выложить такую сумму за пару ботинок. Он отклонил абсолютно все, что я выбрала, а затем с триумфальным видом протянул мне пару слегка абсурдных босоножек из лакированной кожи, с нереально сложной паутиной застежек-молний и 18-сантиметровыми каблуками. Они были превосходными, но, вне всяких сомнений, совершенно непригодными для носки. Тем не менее я решила дать им шанс. Понадобилось немного времени, чтобы разобраться в том, как все-таки их надеть, но когда я наконец встала и прошлась, произошло чудо! Несмотря на все мои опасения, они были фантастически удобными. И если для работы мне придется использовать нечто подобное, вряд ли я буду долго привыкать к головокружительной высоте каблучков. В конце концов, зря, что ли, я годами играла в маленькую принцессу, таская туфли у мамы, которая всегда отличалась женственностью и могла себе поз-

волить высокие каблуки, принимая во внимание рост отца в 192 сантиметра. Еще несколько минут назад я даже предположить не могла, что Себ окажется прав: эти босоножки добавляли нотку класса и гламура к моему совершенно ужасному жакету в военном стиле. «Я оплачу половину, а твоя мама внесет оставшуюся сумму?» Как мило с твоей стороны, Себ, купить мне всего одну туфлю! Будем надеяться, что мои родители согласятся сделать мне такой шикарный подарок.

Мы снова спустились в метро: я – в обнимку с босоножками, завернутыми в шелковистую бумагу и уложенными в элегантный небольшой пакет с логотипом Balmain, и Себ – со своим все нарастающим энтузиазмом и нескончаемым потоком инструкций относительно моей встречи с Elite уже через два дня. В двух словах: я должна была выглядеть расслабленной и улыбаться, чтобы дать им понять, насколько приятно мне находиться у них. И самое главное, я должна позволить ему говорить за меня и произвести неизгладимое впечатление, поскольку вот уже несколько дней подряд он не просто говорит им обо мне, а уже сумел их убедить в том, что именно я являюсь *той самой* топ-моделью будущего. Доказательством последнего был тот факт, что мной будет заниматься не Солен, отвечавшая за подбор новых моделей, а сама некая Фло, которая работала исключительно с моделями высшего дивизиона. «Хочу, чтобы ты взлетела, как ракета, понимаешь? Хочу, чтобы ты прошла сразу через лучшие кастинги и лучшие показы, безо всяких там уровней для «новичков». Я слушала его, не произнося ни слова, поскольку, похоже, именно этого он ожидал от меня. Я была слишком хорошо воспитана, чтобы сказать ему, что в бесконечном повторении одних и тех же инструкций не было никакой необходимости, поскольку я умела прекрасно улавливать все с первого раза. Я понимала не только общую суть дела, но и малейшие тонкости, в то время как он совершенно упустил из виду одну важнейшую деталь: решение о подписании или отказе от контракта до сих пор не было принято. Независимо от того, что рисовало ему его воображение, вопрос еще не был закрыт. Для начала в Elite должны были заинтересоваться мной. И этот интерес должен был быть как минимум обоюдным.

Перед тем как вернуться домой и предстать в новом боевом наряде перед всей моей семьей, мы заглянули в кафе. Там мы встретились с Олимпией и Мадлен – двумя другими «девочками Себа», которых он отыскал несколькими месяцами ранее благодаря своему таланту и которых собирался поселить со мной в одну квартиру, если в сентябре я окажусь в Нью-Йорке. Меня мало интересовали мечтательные разглагольствования нашего наставника о том, как он сделает из нас «галактических» (не меньше) суперзвезд: топ-моделей, которые буквально взорвут своим появлением предстоящую Неделю моды. Я вообще не всегда успевала за поворотами его мыслей. Для меня было важнее прислушаться к объяснениям, почему он решил (и когда, в конце концов, пойдет речь о моем решении?!), что в Нью-Йорке меня будет представлять небольшое, но «куда более расторопное и лучше организованное» модельное агентство Silent, а в Милане – компания D'Management, «имеющая в Италии влияния больше, чем Elite».

Девушки были приятные. Пока Себ уплетал свой *крок-месье*,¹ запивая его кока-колой, я неспешно потягивала свежевыжатый апельсиновый сок. Мои две (потенциальные) соседки пили диетическую колу. Себ отчитывал обеих за отсутствие видимого прогресса в похудении: «Нью-Йорк уже через два месяца, девочки. И, как я погляжу, до 34-го размера² вам еще далеко». Тридцать четвертого! Мне до него было тоже далеко. Ближе, чем им, если присмотреться, но все же. После расставания с Юго, а потом в процессе подготовки к экзаменам я потеряла немного в весе – я это чувствовала, поскольку моя одежда 36-го размера стала сидеть

¹ Крок-месье – традиционный французский бутерброд с колбасой и сыром. (Здесь и далее прим. переводчика.)

² В книге используется европейский стандарт размеров.

на мне свободнее. Но я никогда не носила 34-й размер! Нужно было решительно браться за дело...

* * *

Вечером дома я рассказала всем о том, что провела свой день почти как главная героиня фильма «*Красотка*». Я дефилировала перед родителями и братьями в своих босоножках от Balmain и жакете-камуфляже, который потом стирала в машинке раз сто, только бы отбить этот затхлый «аромат» секонд-хенда. Я практически забыла о результатах своих выпускных экзаменов, которые пришли именно в тот день. До высшей отметки мне не хватило всего 0,3 балла из-за погрешности системы подсчета баллов, допущенной на экзамене по физкультуре. Мне нужно было готовиться к подаче апелляции, поскольку отсутствие наивысшей отметки лишало меня права допуска к устному экзамену в Институт политических исследований (который мог бы дать мне второй шанс на поступление в случае провала письменного экзамена). Я начала плакать от усталости, обиды и злости. Отец был абсолютно уверен в том, что после подачи апелляции мне будет выставлен наивысший балл, и предложил отметить мои достижения бутылкой шампанского, которую он охладил специально по такому случаю. Но я отказалась от каких-либо празднований. Я была жутко разочарована и раздосадована и хотела поскорее забыть обо всем этом.

Перед тем как лечь спать, Алекс зашел ко мне в комнату. Мы долго сидели и болтали. Ему всегда хорошо удавалось скрывать свои эмоции, но я чувствовала, что он одновременно гордился и волновался за меня. Как и я сама.

На следующий день Себ оплатил мою стрижку у «своего» парикмахера. Это было чем-то новым, поскольку всю свою жизнь я сама стригла себе волосы. И именно в этом новом образе – сказать по правде, ничем не отличавшиеся от старого, – я отправилась навестить бабушку и бабушку, которые были далеко не в восторге от ожидающего меня приключения. И все же бабушка должна была порадоваться за меня. Она всю жизнь отличалась особой элегантностью и в молодости рисовала такие красивые модные наброски! Ее всегда интересовала мода, какое-то время она даже занималась дизайном одежды, пока не отказалась от этого, решив раз и навсегда посвятить себя воспитанию четверых детей. Но еще ей всегда нравилась литература, поэтому она никак не могла понять, почему ее внучка решила не предпринимать больше никаких попыток поступить в институт и сделала выбор в пользу Нью-Йорка. Дедушка, в свою очередь, был просто встревожен: его маленькая Викторинет, одна в Нью-Йорке, среди этих акул? Действительно ли это было разумным решением? Я уверила их в этом, как только смогла, и отправилась обратно домой.

Все пребывали в каком-то возбуждении. Отец предложил сходить в ресторан и отпраздновать. Но если я реально хотела стать моделью, надо было завязывать со всеми этими ужинами в ресторанах. Себ сказал, что я была «идеальна», однако девчонки ясно дали мне понять, что и 36-й размер мог оказаться излишне большим.

В ресторан никто так и не пошел, я провела бессонную ночь, а наутро отправилась прямиком в Elite.

Храм моды

Я сделала точно так, как велел Себе: обтягивающие черные джинсы, черный топ, отвратный жакет цвета хаки, балетки и спрятанные в сумку босоножки от Balmain. С опрятно уложенными волосами, абсолютно без макияжа... и безумно вспотевшая в этом «модельном образе», который захлестнувшая город волна июльской жары яростно требовала сменить на красивое легкое платье. Мы встретились на бульваре Сен-Мишель и запрыгнули в охлажденное кондиционером такси, где мое тело наконец смогло вернуться к нормальной температуре. Себ снова начал повторять все то, что неустанно вбивал мне в голову последние два дня: будь естественной, покажи свою заинтересованность, держи рот на замке и делай все, что тебе говорят. Аминь.

Такси подвезло нас к одному из тех изысканных зданий эпохи Наполеона III на авеню Монтень, что располагались по соседству с отелем Plaza Athénée. В прохладе вестибюля я села прямо на ступеньки лестницы, чтобы надеть свои босоножки. Дело оказалось не из легких, принимая во внимание все эти бесконечные ремешки и застёжки, влажные от пота и распухшие от жары ноги. Себ наблюдал за мной с долей раздражения. «Над техникой придется немного поработать, не так ли?» Когда я стояла в полный рост на таких каблуках, казалось, что он едва доходил мне до пупка. Он выглядел безумно глупо, бедолага. Задача номер один: поймать равновесие и устоять на этой нереальной высоте. Меня слегка покачивало, но я смогла сделать первые шаги, не сломав при этом каблук или лодыжку. «Надеюсь, там, наверху, ты спотыкаться не собираешься? Это минимальное требование, если ты все еще хочешь произвести хорошее впечатление». Спасибо за подбадривающий комментарий, именно его мне как раз не хватало.

Мы зашли в лифт в полном молчании. Первый этаж, второй, третий – я чувствовала, как с каждым этажом все больше и больше от страха немели ноги и сжималось все внутри. Двери распахнулись, и мои каблуки тотчас утонули в толстом темно-красном ковре. В конце обшитого отполированными деревянными панелями коридора было видно огромную элегантную дверь с той же сверкающей золотой табличкой, что и на фасаде здания, где строгими и стильными черными буквами было выгравировано слово «Elite». С той стороны доносился гвалт голосов погруженных в работу людей. Меня охватил приступ паники, как в театре перед выходом на сцену, когда ты стоишь за кулисами и слышишь многоголосие зрительской аудитории. Глубокий вдох. Надо думать о родителях и братьях. О дедушке, о бабушке и даже о Пушкинке. Думать обо всем, что придает силы и дарит хорошие ощущения. А затем вперед, как будто ныряешь в большой бассейн.

Мы позвонили и, открыв двери, оказались в весьма просторной приемной. Себ кивнул девушке за стойкой приема посетителей, она узнала его и улыбнулась в ответ. Взмахом руки она пригласила нас пройти внутрь. Я чувствовала, как сердце бьется на бешеной скорости. Мы вошли в огромную комнату с белыми стенами. Она была залита ярким светом, струившимся сквозь окна, на которых не было занавесок. В самом центре стоял гигантский черный стол, вокруг которого кружили люди, говорящие полусшепотом то на французском, то на английском языке, не сводящие глаз с компьютерных мониторов и не отрывающиеся ни на секунду от мобильных телефонов. Вдоль правой стены располагалась огромная библиотека, полностью заставленная выстроенными как по линейке книгами с именами, написанными заглавными буквами на корешках. Сами же стены были увешаны сотнями фотографий, одна рядом с другой: имена, лица, силуэты и параметры. Это были так называемые «композики» – своего рода огромные визитные карточки, которые сразу дают представление о самой модели и контактную информацию ее агентства. Я была ошеломлена. Мне казалось, что я нахожусь внутри храма – храма моды, красоты и роскоши. И именно здесь, возможно, уже через несколько минут должно было пройти мое боевое крещение. Я хотела, чтобы они приняли меня. Я хотела стать частью этого удивительно огромного, яркого, белого мира. Я хотела получить частичку мощной и бурлящей энергии, которую излучало это место. Конечно, при условии, что я им понравлюсь.

* * *

Никто не обращал на нас никакого внимания. Мы прошли через всю комнату и подошли к маленькой брюнетке в больших очках, которая сидела в конце стола. Голос у нее был глубокий, властный. Я старалась изо всех сил не дрожать и придать своей походке спокойный, наполненный уверенности в себе вид. Себ поздоровался с брюнеткой, бросив ей непринужденно: «Привет, Фло!», и она повернулась в мою сторону. Все происходило со скоростью молнии. Прежде чем произнести свое ответное приветствие, она улыбнулась в ответ, продемонстрировав все 32 зуба, внимательно просканировала меня взглядом от макушки до пят и обратно, а потом пристально посмотрела мне в глаза. Все еще продолжая улыбаться, она сказала: «Здравствуй, Виктуар». «Здравствуйте, мадам!» – ответила я, протянув вперед руку. Она пожала ее, и я тут же почувствовала, что рукопожатие здесь было несколько неуместным. Затем она повернулась к своим коллегам и громко произнесла: «Все внимание сюда! Это Виктуар, наша новенькая! Посмотрите, как хороша!» Все в ответ посмотрели на меня, оценивая своим профессиональным взором, вежливо поприветствовали, а затем вернулись к своим делам, как будто меня больше не было.

Тем не менее я продолжала стоять там, во весь свой рост, дополненный 18-сантиметровыми каблуками босоножек, прямо напротив Фло, которая сидела в кресле и разговаривала со мной вежливо, но сдержанно и строго: «Итак, ты хотела бы работать с нами? Как вы познакомились с Себом? Чем ты занимаешься по жизни? Не могла бы снять свой жакет?» Уф! Наконец-то появилась возможность снять с себя эту ужасную шубу, под которой я таяла, как мороженое, и испытать хоть небольшое облегчение. Между тем Фло продолжала рассматривать меня сверху донизу. «Можешь повернуться?» Корова. Я чувствовала себя как корова на рынке. Кусок мяса, который тщательно разглядывают и взвешивают, перед тем как его проглотить. «Идеально. Я познакомлю тебя с Владимиром, а затем сможешь пойти и сделать пару пробных снимков с Николя».

Это означало, что они меня брали? Без обсуждений, переговоров или чего-то еще? Она сказала «наша новенькая» так, как будто я уже была частью их команды. Неужели никого не интересовало мое мнение? Себ светился от счастья, как будто происходящее было само собой разумеющимся. Как будто все давно было решено. Без меня.

Фло представила меня Владимиру, невысокому мужчине с приятной улыбкой и сербско-хорватским акцентом, который сидел справа от нее. Он был «начальником букеров» – агентов, которые держали постоянную связь с директорами по кастингу, направляли моделей на самые важные просмотры и отборы, а затем вели переговоры и подписывали контракты. Приветствуя меня, он сказал: «Моя дорогая, какая же ты красотка! Пойдем. Я представлю тебя боссу». Я проследовала за ним в невероятных размеров кабинет с огромными окнами и массивным балконом, выходившим прямоком на авеню Монтень. Строго по центру располагался массивный черный стол. Мужчина, сидевший за ним, был, наверно, единственным во всем агентстве, на ком был надет костюм и галстук. «Жеральд, позволь познакомить тебя с Виктуар, нашей новой моделью». Он взглянул на меня снизу вверх: «Здравствуй, моя куколка». «Здравствуйте, мсье», – ответила я, и он тут же снова уткнулся носом в бумаги.

Выходя из кабинета, «его» куколка задавалась только одним вопросом: что она здесь делала и действительно ли хотела быть среди всех этих людей, похожих больше на пришельцев с другой планеты.

Николя, очень худой и очень суетливый молодой человек, закрыл двери в кабинет начальника, чтобы сфотографировать меня прямо напротив них. Профиль справа, профиль слева, анфас, со спины, волосы убраны за уши. Я вспомнила, как Себ инструктировал меня двумя днями ранее: осмысленный взгляд, голова чуть опущена, губы слегка приоткрыты. Как только снимки были готовы, мы прошли в другой конец коридора, где какая-то стильно одетая женщина – огромные трендовые очки, черные джинсы, брендовые кроссовки и безупречная стрижка – встретила меня безо всяких улыбок и имен. «Пошла вперед!» – скомандовала она. Я сделала то, что мне велели, стараясь вложить в походку как можно больше изящества. «Сначала!» Проходя во второй раз по коридору, я пыталась уловить ее взгляд, но она смотрела исключительно на мои бедра. На мои руки, ноги. Чем меньше она говорила, тем больше мне казалось, что я двигаюсь как робот. «Достаточно. Придется брать уроки по ходьбе». Уроки по ходьбе? Такое вообще существует? Я собиралась что-то ответить, когда вдруг поняла, что она разговаривала не со мной, а с Себом. Все еще не обращая ко мне напрямую, она достала из кармана сантиметровую ленту и подошла, чтобы снять мерки. Грудь, талия, бедра, вернее, жир на них! Я чувствовала, что это был решающий момент, но не имела ни малейшего представления о том, сколько «баллов» нужно набрать, чтобы пройти этот экзамен. «86–62–91». Это хорошо или плохо? Себ ничего не сказал. Снова появилась Фло и спросила: «Ну что?» Ей повторили цифры. Она вздохнула: «Ладно. Мы приврем, потому что с такими данными ты ни в жизни не влезешь в одежду – несомненно, мерка должна быть ниже 90. Так что пишем 88 и занижаем остальные цифры. В любом случае впереди еще восемь недель, так что у тебя есть предостаточно времени, чтобы сбросить». Она посмотрела на меня, снова блеснув своей зубастой улыбкой. Она улыбалась мне, но радости в этом было мало. Она давала мне четкие указания: «Для фотосессий 36-й размер подойдет, всегда можно чуть-чуть прибавить обратно. Но на показах ты должна быть между 32-м и 34-м размером. Понятно?» Понятно.

Перед уходом Владимир попросил меня присесть рядом с его столом. Какое это было облегчение – наконец дать отдых своим ногам! Он протянул мне стильную белую папку с логотипом Elite, где лежал мой контракт. А затем перечислил мне список того, что необходимо было сделать в приоритете: подписать вышеупомянутый контракт, провести фотосессию с одним из их фотографов, чтобы они смогли отпечатать мои композитки и собрать начальное портфолио, а потом договориться о занятиях по походке. «Ты реально очень красивая, моя дорогая. Желаю тебе хорошей работы в Нью-Йорке. С тобой мы увидимся теперь только на Неделе мод ы в Париже». Мы помахали на прощание рукой Фло, висевшей на телефоне, и вошли в лифт. Себастьян, который не умолкал ни на секунду за все то время, что я его знаю, снова превратился в прежнего Себа: я была великолепна, они были поражены, он сде-

лал все правильно, поручив опеку надо мной Фло, он провел сумасшедшие переговоры, но все сработало, и теперь благодаря ему я проведу прекрасный первый сезон и превращусь в ТУ САМУЮ топ-модель, которую все хотят заполучить, потому что когда «они» находят французскую девочку, «они» ее уже просто так никогда не отпускают. Французская модель должна обязательно участвовать в показе, а таких на рынке не так уж много – всего две-три штуки. «И одна из них – ТЫ! Ты скоро сама убедишься. В Нью-Йорке, Милане и Париже они будут драться именно за ТЕБЯ!»

То есть на этом все? Все было уже решено? Оказавшись снова в вестибюле здания и сняв эти адские босоножки, я чувствовала себя изможденной и ошеломленной, возбужденной и какой-то потерянной от усталости и радости. Все эти люди выбрали меня, оценили меня по достоинству, измерили меня и включили сразу в график, даже не спросив моего мнения. Возможно, так было лучше, потому что я не была уверена в том, что оно было у меня – мое мнение. Моя жизнь погружалась в процесс, в котором я принимала лишь косвенное участие. И что с того? Может, судьба и состоит из того, что надо просто плыть по течению и позволять другим принимать решения? Позволять этому течению уносить меня туда, куда оно считало нужным? В конечном итоге мне лично нужно было делать лишь то, что мне говорят, но делать это на уровне совершенства, чтобы стать лучшей. Перестать есть – немедленно.

Мама ждала меня в своем стареньком «Остине Мини» на авеню Монтень: поездку на метро в такую жару я бы уже не перенесла. «Так, что они сказали?» Я все подробно рассказала ей: Фло, Владимир, Жеральд, контракт, фотосессия, уроки ходьбы и замеры. «Три сантиметра в бедрах – это не так уж и мало, Луч. Ты никогда не была настолько худой, но сила воли у тебя железная!» Она была права. Я собиралась стать топ-моделью. Той самой топ-моделью, которую все хотят заполучить. Стремительно подняться вверх, зарабатывать огромную кучу денег и превратить свою взрослую жизнь во что-то невероятное.

* * *

Мне только что исполнилось 18 лет, в Elite меня сочли потрясающей, и уже в сентябре я буду в Нью-Йорке!

Как только мы добрались до дома, я взвесилась. При росте 178 сантиметров и весе в 58 килограммов я могла спокойно поместиться в 36-й размер. Чтобы влезть в 34-й, мне нужно было скинуть хотя бы три килограмма и еще столько же, чтобы дойти до 32-го размера. За окном было 2 июля, а первые кастинги в Нью-Йорке были назначены на начало сентября. Значит, у меня было восемь недель на то, чтобы похудеть до 52 килограммов. Ну или, скажем, до 50, чтобы обеспечить небольшой запас. Сбросить килограмм в неделю было вполне по силам.

Остаток дня я провела в Интернете в поиске сайтов и блогов девушек, дающих советы по похудению. В действительности я была настроена очень решительно: я стану есть только фрукты. Точнее сказать, яблоки, потому что пектин дает тебе ощущение насыщенности. Я буду есть их три раза в день, медленно пережевывая кусочек за кусочком, как делает мама, когда ест *булочки с изюмом*. Это чем-то походило на подготовку к выпускным или вступительным экзаменам: нужно было просто сконцентрироваться на цели. Я делала это раньше, могу сделать и сейчас. Достижение результата было просто вопросом силы воли. А этого у меня было хоть отбавляй.

Игра тела

Два дня спустя мама высадила меня перед грязным фасадом заброшенного магазина в десятом округе. Я дважды проверила адрес, чтобы убедиться в том, что именно здесь я должна была встретиться с Себом для проведения первой фотосессии, набрала код и открыла покосившуюся дверь, за которой оказалась едва освещенная лестница, покрытая ветхим ковром. Мне тут же захотелось развернуться и уйти. Это был такой контраст на фоне агентства на авеню Монтень! Поднявшись по лестнице, я очутилась в темной захламленной комнате. В самом дальнем углу, перед огромным зеркалом, стоял небольшой стол, заваленный грязной одеждой и использованными тюбиками из-под косметики. Повсюду на грязном полу валялись шприцы и использованные презервативы. Что я вообще там делала?

В проеме скрытой в тени небольшой двери появился улыбающийся Себ в компании какого-то волосатого гиганта, чей огромный живот торчал из-под футболки, которая явно была ему не по размеру. Без паники. Мама знала, где я находилась, и я могла позвонить ей в любую минуту. К тому же я знала Себа, и не в его интересах было допустить что-то плохое по отношению ко мне.

Себ представил меня Гиладу – фотографу, который тут же обхватил меня, как тряпичную куклу, и расцеловал в обе щеки. Я почувствовала себя спокойнее. Этот парень походил на огромного плюшевого медведя, чья английская речь вперемешку с жутким сербским акцентом звучала ножовкой по металлу. Он сказал мне, что я «прекрасна», что он «счастлив удостоиться чести» провести мои первую фотосессию и что мне совершенно не о чем беспокоиться, потому что нам «будет безумно весело». Он провел меня в свою студию – просторную, хорошо освещенную комнату, с потолка которой свисала спиралью какая-то белая бумага, очень похожая на обои и покрывавшая большую часть пола. Свет, излучаемый двумя прожекторами, был одновременно мягким и ярким. Все полностью соответствовало моим представлениям о том, как должна выглядеть профессиональная студия.

Себ был доволен тем, что я выполнила все его инструкции до запятой: обтягивающие джинсы, рубашка и джинсовая куртка. Гилад вежливо попросил меня снять куртку и бюстгальтер, указав на соседнюю комнату, где можно было переодеться. Когда я вернулась, он подошел ко мне и в весьма учтивой форме спросил: «Можно?» Я кивнула, и он расстегнул

несколько пуговиц рубашки. Я чувствовала себя одновременно смущенной и расслабленной – я прекрасно видела, что он относился ко мне с уважением.

Все два часа, что длилась фотосессия, Гилад всегда спрашивал разрешения, прежде чем коснуться меня, – буквально каждый раз. Он попросил меня зайти внутрь бумажной спирали, которая в действительности оказалась светящейся тканью, зашел за камеру и сказал: «ОК». Хорошо, но что «ОК»? Я понятия не имела, что он ожидал от меня. И вот, терпеливо и добродушно, он направлял меня в нужном направлении и объяснял детали на своем англо-сербском наречии. Переместить вес на одну ногу и сделать акцент на бедра. Опустить голову и поднять глаза. Позволить телу заиграть.

Игра тела. Какой удивительный опыт это был для меня! Мне было 18 лет, и при наличии тела взрослой женщины я выглядела как маленькая послушная девочка. Не было ничего удивительного в том, что Юго бросил меня: после нескольких недель долгих поцелуев и страстных бесед на литературные темы его рука, оказавшаяся вдруг чуть ниже уровня груди и чуть выше линии бедер, наткнулась сразу на мое внутреннее сопротивление. Впервые в жизни мальчик прикасался ко мне подобным образом. Я была совершенно не готова к этому, даже не знала, хочу ли я быть готова к такому. Он сказал, что это не проблема, что мы не будем спешить и он будет терпелив. На следующей неделе его уже и след простыл. Именно на таком уровне было мое понимание об игре тела, когда Гилад тактично начал подбадривать меня стать «более сексуальной», раскрыть рубашку, расстегнуть джинсы, томно растянуться на полу и сдать его фотокамере. Я согласилась и позволила себе сделать то, о чем он просил, потому что он был исключительно добр и крайне профессионален.

Он увлек меня этой игрой. Чем менее напряженным становилось мое тело, тем больше мне это нравилось. «*Это шикарно, дорогая. Превосходно! Посмотри на меня сверху! Теперь снизу! Давай еще, детка!*» Я плавно двигала бедрами, проводила рукой по волосам и выгибалась, как кошка перед объективом его камеры, глядя ему прямо в глаза. Я сменила образ, распахнула рубашку, расстегнула джинсы. Мои позы стали более раскованными, потому что я начала немного понимать правила этой игры. Я полностью забыла о Себе и провела отличное время с Гиладом. Все было в новинку, смешно и сексуально, но при этом лишено и намека на секс, недопонимание, страх показаться странной или излишне взволнованной...

Себ поздравил меня с фотосессией. «Ты великолепно справилась, только в следующий раз нижнее белье должно быть телесного цвета. Это одна из основ профессии. Белья никогда не должно быть видно, даже через прозрачную одежду»... Конечно, таких тонкостей я знать не могла. Зато могла бы подумать о том, чтобы с утра надеть на себя чуть более презентабельное белье. Волна стыда захлестнула меня в ту же секунду, когда я сняла свои джинсы и поняла, что из всего своего арсенала трусов я умудрилась выбрать самые невзрачные!

Перед моим уходом Гилад снова обхватил меня и крепко расцеловал в обе щеки. Я призвала на помощь все свои познания в английском языке, чтобы поблагодарить его за доброе и деликатное отношение ко мне. «*Удачи, Виктуар*, – ответил он. – *И спасибо за эти прекрасные моменты*».

После удачно проведенной фотосессии время, казалось, побежало еще быстрее. У меня не было ни одной свободной минуты, чтобы повидаться с Софи и поведать ей обо всех моих приключениях в качестве будущей мировой музы, а затем выслушать ее рассказы и переживания в качестве будущей студентки факультета журналистики или чтобы выбраться куда-нибудь вечером с двоюродным братом Томом... Меня ждала Неделя моды в Нью-Йорке в начале сентября, затем еще одна Неделя моды в Милане в конце того же месяца и третья – уже в Париже, в первых числах октября. Если я поняла все правильно, в каждом из городов мне было необходимо принять участие в как можно большем количестве кастингов в течение первых семи дней и надеяться на то, что меня отберут на показы в течение второй недели. Если мне пове-

зет и на меня обратят внимание, то после Недели моды меня могут пригласить на фотосессии для различных журналов, составления каталогов ведущих брендов и даже – наивысшее счастье – проведения для них рекламных кампаний. Это было конечной целью: быть избранной для кампании, стать лицом бренда и заработать на этом состояние.

Пока же в ожидании славы и запланированного на 11 августа отлета в Штаты вместе со всей моей семьей мне было нужно договориться о нескольких уроках ходьбы, встретиться с папиным адвокатом, чтобы просмотреть контракт с Elite, подписать его, получить свое портфолио и композитки, а затем познакомиться с людьми из агентства Silent, которые будут представлять мои интересы в Нью-Йорке. Все это нужно было успеть до отъезда в Марсель, где вместе с моими дедушкой и бабушкой мы проводили последнюю неделю июля и первую неделю августа в прекрасном доме с бассейном, принадлежащем друзьям моих родителей.

Я также планировала с Алексом провести три дня в Лондоне из-за встречи, на организацию которой я потратила несколько недель и которую теперь никак не могла себя заставить отменить, хотя в ней больше не было особого смысла. Я всегда мечтала стать актрисой и знала, что когда-нибудь эта мечта осуществится. Я вбила себе в голову, что мне надо обязательно встретиться с агентом Роберта Паттисона, который на тот момент был моим самым любимым актером. Его агентом была некая Кейт Стеддон, чьи контакты я нашла в Интернете. Я отчаянно хотела поговорить с этой женщиной о моих шансах на актерскую карьеру в Англии. Каждый день в течение месяца я брала буквально штурмом ее офис, пока они не сдались перед неизбежностью: самым легким способом отделаться от этой французской девчонки было согласиться на встречу с ней, пусть даже всего на пятнадцать минут.

Итак, мы с Алексом отправились в наше короткое путешествие в Лондон. Мы остановились в доме у его крестного отца, заглянули в пабы, сходили в музеи и на прогулки по паркам. Эта маленькая эскапада пошла нам на пользу. По крайней мере, она пошла на пользу мне в преддверии всех этих грандиозных перемен не только моей жизни, но и жизни всей нашей семьи. Мы много болтали о событиях недавних дней, и когда я рассказала ему о фотосессии с Гиладом, он спросил меня: «А ты сможешь позировать обнаженной?» Я не знала, что ему ответить, но наши мнения однозначно сошлись по одному вопросу: если такое когда-либо произойдет, будет лучше, если отец не увидит эти фотографии. Но самое главное, мы воспользовались всеми преимуществами времени, которое проводили в Лондоне вместе. Мы исследовали новые уголки города, которые нам раньше были неизвестны. В день встречи брат проводил меня до дверей агентства, а затем устроился на тротуаре напротив и стал ждать.

Кейт Стеддон была очаровательна. Она сказала, что помимо того, что я весьма настойчива, я еще и очень красива, но тем не менее мои шансы на актерскую карьеру в Великобритании сводятся к поступлению в одну из лучших театральных школ, в которой она настоятельно советовала мне провести несколько лет, дабы получить должную квалификацию. И уже после этого она была бы крайне счастлива встретиться со мной еще раз и обсудить мое будущее. Я искренне поблагодарила ее. Ее мысль была мне ясна и понятна: режиссеры театров не выискивают актрис, слоняясь по улицам. Они приглашают на прослушивание профессионалов, которые разбираются в своей профессии, потому что учились ей. Хотя, возможно, иногда они случайно наталкиваются на топ-моделей в ходе мировых турне и испытывают непреодолимое желание предложить им какую-нибудь роль, чтобы раскрыть их скрытый талант. И даже если такого никогда не произойдет, всегда можно предположить, что эти самые топ-модели за два-три года карьеры могут заработать такое количество денег, что без труда поступят в одну из этих фантастически дорогих театральных школ, про которые упоминала Кейт Стеддон.

Все это я рассказывала Алексу по дороге на вокзал Сент-Панкрас, откуда поезд Eurostar должен был умчать нас в Париж, навстречу ожидавшим меня уже на следующий день урокам ходьбы. Он слушал меня очень внимательно и терпеливо. А затем просто сказал: «Вик, ты все же не увлекайся особо мечтами, ладно?»

Уроки ходьбы

Себ сказал мне, что раньше она была моделью. По его словам, он платил (150 евро в час) за уроки ходьбы именно Эвелин, потому что никто, кроме нее, не мог лучше научить меня передвигаться по подиуму, по которому уже через несколько недель я должна была дефилировать с легкостью и грациозностью кошки, что и соответствовало сути профессии. «Не забудь взять свои босоножки от Balmain, в противном случае все будет бессмысленно». И вот вместе с мамой мы уже стояли на пороге квартиры, расположенной на тысячном этаже головокружительной башни в двенадцатом округе. Открывшую дверь женщину едва можно было принять за модель: она была босиком, ее седые волосы были собраны в небрежный пучок, удерживаемый сверху очками, тело тонуло в цветастом шелковом халате, а пальцы были унизаны серебряными кольцами. Она дружески поприветствовала нас и пригласила пройти в фиолетово-оранжево-розовую квартиру, наполненную статуэтками Будды, свечами, индийскими гобеленами, коврами, вышитыми подушками и едва уловимым, но повсеместным ароматом благовоний.

Она предложила нам чай, сдвинула всю мебель к стене, чтобы образовался проход, и усадила маму на стул, чтобы та могла за всем наблюдать, запоминать все, что я могу забыть, и затем помогать мне с тренировками во время каникул, чтобы максимально подготовиться к Нью-Йорку. Я собрала волосы в хвост, надела босоножки и пошла вперед. Она сразу отметила, что я умею ходить на каблуках. «Ты обладаешь той же грацией, что и Лорен Бэколл», — сказала она. (А не была ли Лорен голливудской актрисой, а, Себ?) Но при этом ей не нравилось, что я держала себя слишком прямо, как балерина, и чересчур напряженно. Она показала мне, как при помощи простых и быстрых упражнений расслабить плечи и руки до самых кончиков пальцев. Ушло немало времени на решение проблемы с моими деревянными руками: нужно было сделать так, чтобы кисти не походили на крюки пластмассовых кукол из конструкторов Playmobil. Постепенно я училась, как расслаблять свои пальцы во время прохода по подиуму. И еще как двигать бедрами, чтобы ноги выглядели свободными, как придавать видимость движения рукам, как наклонять слегка голову, смотря при этом вперед и добиваясь того самого «убийственного взгляда». Я училась стирать любое выражение эмоций со своего лица («Самое главное: никаких улыбок!»), чтобы выглядеть возвышенной и отрешенной от этого однообразного мира и концентрироваться на проходе четко по прямой линии. И конечно, она показала мне эту нелепую поступь, которой отличаются все модели: одна нога встает четко перед другой, при этом колено высоко поднимается, а ступня выпадает далеко вперед, что заставляет любую, даже самую красивую девушку выглядеть абсолютно глупо. «Это товарный знак, Виктуар, и ты должна отработать и довести его до совершенства. Всегда помни о том, что они смотрят на одежду, а не на тебя».

После часа занятий я была полностью измотана. «Тренируйся каждый день по чуть-чуть. Ты увидишь, что твое тело впитает это в себя как губка, и тебе не придется больше над этим задумываться». Спускаясь в лифте обратно на землю, я вдруг подумала, что всего лишь месяц назад я была по уши погружена в учебу. И я не могла перестать задавать себе один и тот же вопрос: действительно ли я хотела провести свою жизнь, концентрируя энергию на таких глобальных проблемах, как «руки-конструкторы»? Как далеко вдруг я оказалась от Шекспира и геополитики!

* * *

Вопрос с контрактом все еще не был решен, и меня заверили, что отец занимается этим. Я знала, что он сделает все от себя зависящее, чтобы соблюсти мои наилучшие интересы. Я пошла вместе с ним на встречу с его подругой-адвокатом, которая объяснила мне, что Elite должно было заниматься мной на территории Франции, люди из Silent, с которыми я до сих пор не встретила, имели право представлять меня в Нью-Йорке, а агентство D'Management – в октябре в Милане. Все эти агентства вели переговоры от моего лица с клиентами, оговаривали гонорары, удерживали процент от этого гонорара в свою пользу и параллельно выплачивали маленькую сумму Себу, который оставался моим «первичным агентом». Все мои расходы оплачивались заранее из средств агентств, которые возмещали понесенные затраты в конце сезона из полученных мной гонораров.

Когда я спросила Себа, почему Elite не может представлять меня по всему миру, он погрузился в витиеватые объяснения, почему в Нью-Йорке и Милане маленькие агентства имеют больше влияния, нежели огромная машина типа Elite, и почему им будет проще приглядывать там за мной. Моя работа сводилась к тому, чтобы заставить их заинтересоваться мной и довериться ему, потому что он знал этот мир как свои пять пальцев и лучше других понимал, что будет лучше для меня. И лучше для него, несомненно, хотя вслух этого и не было сказано.

Его неустанная болтовня все больше и больше действовала мне на нервы – одна только мысль о том, что он снова может открыть свой рот, вызывала во мне чувство усталости. Но я решилась довериться ему. Когда дело касалось важных вопросов, он всегда сдерживал свои обещания: он представил меня Elite и добился, чтобы я сразу попала в «высший дивизион», находящийся под контролем у Фло. Он оплатил фотосессию у Гилада и уроки у Эвелин – профессионалов, чья помощь мне была крайне необходима. И что самое главное, он будет со мной в Нью-Йорке, где мне предстоит сделать первый и самый важный шаг.

Впервые в жизни я отправлялась куда-то без сопровождения хотя бы одного из членов моей семьи. Я старалась не думать об этом много, но чувство беспокойства все равно не покидало меня. Сказка была бы совершенной, если бы мама поехала со мной, но Себ дал четко понять, что это даже не обсуждается. Да и потом, если бы мама поехала со мной, то кто приглядывал бы за мальчиками? В сентябре Леопольд переходил в пятый класс средней школы, а у Алекса начинался предпоследний год в лицее, поэтому ей было важно находиться рядом с ними. Я была старшей сестрой и должна была учиться заботиться о себе сама. Поэтому в действительности я была искренне рада тому, что Себ – эта заноза в заднице – будет рядом со мной где-то там, далеко, среди чужих для меня людей.

Естественно, что именно Себ сопровождал меня в агентство Silent за несколько дней до нашего с мамой отъезда в Марсель. Вместо встречи в офисе нас пригласили в расположенную в пригороде фотостудию, где монтировались видео- и фотоматериалы, которые использовались потом для продвижения своей «команды» девушек. Таким образом, знакомство происходило на верхнем этаже складского помещения, куда мы поднялись на грузовом лифте. Как же было круто! Каждый был чем-то занят на этом огромном пространстве, похожем больше

на четко организованный пчелиный улей. В одном углу находился открытый буфет, изобилующий закусками, которые увлеченно пощипывали Мадлен и Олимпия. Я поприветствовала их улыбкой. В другом углу, между двумя заваленными одеждой вешалками, был организован небольшой закуток для переодевания, где девушки причесывались и наносили макияж. Я тут же узнала очень красивую актрису Эммануэль Сенье, которой как раз укладывали волосы феном. Техники и ассистенты усердно трудились посреди огромного пустого пространства, окруженного прожекторами и всевозможной атрибутикой для фото- и видеосъемки. Себ представил меня Луи, высокому элегантному мужчине с пронизывающими голубыми глазами, одетому в безупречно белую рубашку, сшитые по фигуре брюки и повседневные ботинки на босу ногу. Он был одним из основателей агентства. Он поздоровался со мной так, как будто мы были знакомы уже сто лет и просто не виделись какое-то время: «А, Виктуар, я так рад, что ты здесь! Знаешь, мы так рады, что ты едешь с нами в Нью-Йорк. Нас ждет красивая совместная работа! Ты уже знакома с Эмилем?»

Он подвел меня к своему партнеру, стоящему рядом с буфетом. У него было приятное лицо, хотя на фоне ослепительно-белоснежной улыбки сразу бросалось в глаза, что он явно перестарался с загаром. Он был гладко выбрит и одет в несколько помятый льняной костюм и легкие сандалии. Это был совершенно иной вид элегантности, которая шла в некий диссонанс с тем, как он говорил: он как раз устраивал выволочку Олимпии и Мадлен, которые ни на сантиметр не отходили от буфета. «Черт подери, девочки, надо понимать, чего вы реально хотите! Мы будем в Нью-Йорке уже через шесть недель, а вы продолжаете тут тереться, несмотря ни на что. Хватит жрать! В таком виде вас туда никто не повезет». Мне стало неловко за них. И невооруженным глазом было видно, как их разозлил тот факт, что я стала свидетельницей данной сцены, да еще и в присутствии Себа, наблюдавшего за мной с удовлетворением. Но больше всего мне показалось это несправедливым: они обе были идеально стройны, а я крайне сомневалась в том, что смогу показать лучшие результаты.

Прошедшая неделя яблочной диеты давала свои первые результаты: на утреннем взвешивании весы практически подоברались к отметке в 56 килограммов. И при этом я не испытывала особого чувства голода! По правде говоря, в круговороте всех этих приготовлений у меня не оставалось особо времени на мысли о еде. Но как долго это будет продолжаться? И зачем они заказали такое изобилие еды и закусок для группы моделей, каждая из которых предположительно должна была соблюдать диету?

* * *

Эмил также тепло поприветствовал меня и представил Николя – стилисту-парикмахеру, который должен был помогать мне в создании образа. Оба категорически настаивали на моем участии в фото- и видеосъемках, которые потом они собирались использовать для рекламы агентства в Нью-Йорке. Быстрее, чем я успела моргнуть, мне за считанные секунды уложили волосы и нанесли макияж. Меня буквально взяли в плен, и мне оставалось только сдаться на милость победителя. Николя пребывал чуть ли не в экстазе от состояния моей кожи. «Ух ты, Виктуар, ты напоминаешь мне Дарью Вербову. Поверь, я знаю, о чем говорю. Мы проводили вместе с ней кампанию для Lancôme». Я была польщена. Последние две недели я просматривала модные журналы, чтобы познакомиться поближе с этим новым для меня миром, и как раз обратила внимание на эту восхитительную голубоглазую брюнетку, которая, согласно прессе, входила в десятку самых высокооплачиваемых моделей в мире. Что ж, будем надеяться, что подобное сравнение принесет мне удачу... «Все будут просто обожать работать с таким типом кожи! К тому же тебе безупречно подходит любой макияж и любой стиль прически».

Он объяснил мне принцип работы системы: за несколько дней до начала показа за визажистом и парикмахером закреплялась одна модель. Ее использовали для создания образа на

целый сезон. «После этого делаются снимки, которые развешиваются в гримерках, чтобы другие визажисты и парикмахеры смогли перенести это на других моделей, задействованных в показе».

Мне не представилось даже шанса расспросить Николя о том, насколько приятно было работать с Дарьей, поскольку подошла моя очередь сниматься. Ассистент поставил меня напротив камеры и запустил огромный вентилятор, тут же разметавший мои волосы, над которыми Николя проделал такую кропотливую работу, в разные стороны. «Давай, Виктуар! Пройдись туда-сюда, используй пространство, просто получай удовольствие! Вот так! Теперь налево. Глаза. Покажи мне свои глаза! Отлично! Посмейся! Идеально! С тобой закончили».

Все прошло быстро, но напряженно. И мне это безумно понравилось! Луи и Эмиль подошли попрощаться: «Очень скоро увидимся снова в Нью-Йорке. Пока что постарайся как можно больше отдыхать. Хотим, чтобы ты была на высоте. И что бы ты ни делала, не вздумай загорать! Всегда будь в тенике – это приказ!»

Я была благодарна Себу, что он избавил нас от необходимости ехать обратно поездом. В такси мой «первичный агент» продолжал настаивать на все том же условии: абсолютно белая кожа, как на лице, так и на теле. Вопрос с загаром даже не обсуждался, как и следы от бикини. И никаких накачанных мышц. «Ты же, надеюсь, не будешь заниматься спортом? Им нужны женщины, а не атлеты. Единственное упражнение, которое ты можешь себе позволить, – это ходьба. Даже плавание остается для тебя под запретом – кому нужны эти широченные плечи?» Я смотрела на него, явно раздосадованная. «Ну а ты как хотела, дорогая? Работа топ-моделью требует немалых усилий. Это профессия».

В тот же день Владимир, старший букер агентства Elite, пригласил моих родителей на обед в «Авению» – шикарный ресторан, расположенный на Авеню-Монтень. Несомненно, бесконечные папины звонки по каждой мелочи в контракте начали его раздражать. Возможно, он решил, что будет намного проще поговорить с моими родителями напрямую, а заодно познакомиться с ними поближе, чтобы развеять их страхи и опасения раз и навсегда. Возможно, для Elite это было нормальной практикой – для дебютантки я была несколько старовата. Большинству других девушек, поступающих на работу, не было и 16 лет, так что я предположила, что разговоры с родителями составляли часть работы агентства. В любом случае все вопросы, касающиеся контракта, были прояснены, и мои родители немного успокоились, увидев серьезность намерений этих людей в отношении меня: «Как ни крути, не в их интересах, чтобы с тобой произошло что-то плохое. Мы тебе доверяем, но будь осторожна, зайка».

Думаю, что Владимиру даже не пришло в голову пригласить меня на этот обед. Меня это даже устраивало, поскольку мне нечего было особо делать в ресторане. Как человек, проработавший в этой отрасли уже много лет, он прекрасно знал, что модель не приглашают поесть...

83–60–88

Я вернулась на авеню Монтень вместе с Себом, чтобы оставить подписанный контракт и забрать портфолио и композитки. Именно Владимир, приветствуя меня, подмигнул и указал на стену с фотографиями за его спиной. Среди огромного количества лиц я выхватила свое. Потребовалось какое-то время, пока я наконец поняла, что этой девушкой, которая ничем не отличалась от девушек со страниц модных журналов, была в действительности я. Какое это было странное чувство! Как будто я могла узнать свою внешнюю оболочку, одновременно с этим зная, что внутри скрывался кто-то совершенно другой. Я вдруг почувствовала, что еще долго буду привыкать к своему новому образу – образу модели...

Портфолио произвело на меня еще большее впечатление, когда я впервые увидела сделанные Гиладом фотографии. Сексуальной девчонкой в огромной рубашке была я! Озорная, с чуть выглядывающей обнаженной грудью (пожалуй, эту я папе не покажу), мечтающая о чем-то перед зеркалом, смотрящая на мир убийственным взглядом... Все это была я. На композитке, вставленной в кармашек в конце портфолио и увенчанной логотипом Elite, говорилось: «Виктуар Доксер, 178 сантиметров, 83–60–88, каштановые волосы, голубые глаза».

С портфолио и композиткой в сумке я ушла в каком-то замешательстве. Еще месяц назад я была измотанной девчонкой, переполненной мыслями о поступлении в Институт политических исследований, а теперь, месяц спустя, я была измотанной девчонкой, которую все считали чрезвычайно сексуальной женщиной и которая совсем уже скоро отбывала в Нью-Йорк на Неделю моды.

В последний вечер перед отъездом в Марсель мы с родителями пошли в кино, чтобы посмотреть фильм «Сними меня». Это был документальный фильм, снятый американской моделью Сарой Зифф, в котором она запечатлела год своей жизни. Она вспоминала хорошие моменты – показы мод, любимых дизайнеров, невероятные отели. Но также рассказывала и об обратной стороне профессии: о бесконечном ожидании кастингов, о периодической жестокости со стороны людей, которые ее одевали, причесывали и красили, о соперничестве между девушками, об изолированном образе жизни, о резких сменах часовых поясов и о постоянном ощущении того, что к тебе относятся как к вещи или как к чему-то еще более худшему... На выходе из кинотеатра ко мне подошел какой-то человек: «Простите, мадмуазель, вы никогда не задумывались над тем, чтобы стать моделью?» Я была настолько ошарашена, что даже не нашлась, что ответить. Он представился, сказав, что работает на одно крупное модельное агентство – IMG – и что если меня это заинтересует, то он с огромным удовольствием мог бы... Теперь уже рассмеявшись, я ответила, что только что подписала контракт с Elite. «Не повезло, опередили они меня! Желаю вам головокружительной карьеры!»

По дороге домой в машине родители разговаривали со мной очень откровенно: фильм четко дал нам понять, что эта профессия может быть очень жестокой. Они еще раз напомнили мне, что я свободна в своем выборе и что только я могу решить, что я хочу или не хочу делать. Что я никогда не должна мириться с плохим отношением ко мне со стороны других людей. Что они всегда будут рядом и я могу звонить им в любое время дня и ночи. «Ну, желательно, конечно, днем».

Папа пытался все превратить в шутку, но я уже начинала чувствовать этот электрический разряд, зарождающийся глубоко внутри меня. Тот же самый разряд, из-за которого я перестала спать накануне вступительных экзаменов. В действительности с этим чувством я была знакома всю свою сознательную жизнь. Это была та самая колющая как ножом тревожность, которая поселялась где-то в моем желудке и никак не хотела уходить. Та же тревожность, что выворачивала меня наизнанку в начальной школе, что помешала мне вернуться в лицей и что постоянно требовала от меня быть во всем и везде лучшей, чтобы люди выбирали меня, любили меня и оставались со мной.

Страх. Этот чертов страх. В тот вечер я почувствовала, как он вцепился в меня своими клешнями, и поняла, что только он и никто другой будет моим неотступным спутником до самого Нью-Йорка.

Три яблока в день

Вместе с мамой, Леопольдом, дедушкой и бабушкой я уехала в Марсель. Папа должен был присоединиться к нам на следующей неделе, в то время как Алекс решил отправиться вместе со своими друзьями на фестиваль в Байонне.³ У нас были каникулы, поэтому на повестке дня стояло исключительно хорошее времяпрепровождение и получение удовольствия от общения друг с другом. Ну, может быть, за редким исключением, поскольку у меня было небольшое «домашнее задание на каникулы». Для начала Себ и Фло настаивали, чтобы я проявляла больший интерес к прочтению модных журналов и отмечала для себя позы и выражения лиц моделей, имена и стиль работы дизайнеров, визажистов и парикмахеров. Благодаря этому я должна была получить самое правильное представление о том, что от меня в действительности ожидали. Затем я должна была отработать походку, четко следуя инструкциям Эвелин: мышцы лица и плеч расслаблены, пальцы свободны, чтобы руки не напоминали пластиковых кукол из конструкторов Playmobil, бедра плавно перемещаются, тело всегда выпрямлено, взгляд направлен вдаль (создавая эффект убийственного взгляда), одна нога встает четко впереди другой, как у большой старой лошади. Я отработывала походку, вышагивая по краю бассейна, что дополнительно подстегивало передвигаться с осторожностью кошки, но всегда придерживалась теневой стороны, чтобы не загореть.

Наконец, я должна была продолжать работать над сбросом веса, чтобы влезть в знаменитый 32-й размер, о существовании которого до появления в моей жизни Elite я даже не подозревала. До настоящего момента я справлялась с поставленной задачей просто безупречно: три яблока в день, тщательно отобранные, исходя из красивого цвета и аппетитных размеров плода. Перед каждым приемом пищи я брала красивую тарелку и раскладывала на ней неизменное содержимое своего меню со все возрастающим артистизмом: в форме мозаики, в форме солнышка, в форме малюсеньких кубиков или тончайших ломтиков. Все ради того, чтобы медленно насладиться вкусом, откусить небольшой кусочек и тщательно пережевать его, перед тем как проглотить. Я также пила несколько (но в то же время не слишком много) чашек кофе в день и огромное количество пепси макс (потому что на вкус это было вкуснее диетической колы, а пузырьки давали ощущение наполненности желудка)... И больше ничего. Первые несколько дней я испытывала голод, но не такой, с которым нельзя было бы справиться. И очень скоро я стала ощущать себя намного легче и намного сильнее, как спортсменка, показавшая прекраснейшие результаты в соревнованиях. В течение всего одной недели мне удалось скинуть почти два килограмма. В действительности похудение было не таким уж и сложным делом!

³ Байонна (Bayonne) – город и коммуна на юго-западе Франции. Фестиваль Байонна, который считается центром баскской культуры во Франции, представляет собой целую серию различных мероприятий, включая бои быков, проходящие на протяжении всего лета.

Но в Марселе все несколько усложнилось. Поскольку делать мне было особо нечего, кроме как думать о грядущем будущем, голос Фло неустанным эхом раздавался в моей голове: «При таких параметрах ты никогда не влезешь в одежду». Именно в этот момент мой организм начал все громче заявлять о своей усталости от яблок. Иногда я заменяла их другими фруктами, но откуда мне было знать, какое точно количество калорий в них содержалось? Может, в половине дыни или лукошке клубники их было намного больше? Более того, у меня начались постоянные боли в желудке. Я даже не догадывалась о том, что употребление в пищу исключительно сырых фруктов может привести к таким симптомам. Я списывала все на тревожность, поскольку переживаемый мною страх заполнил полностью вакуум и тишину каникул, как будто я открыла заглушки огромной трубы и клубы отвратительной, тяжелой тревоги тут же просочились и забурили внутри всего моего тела. И мне надо было усиленно сражаться, чтобы не задохнуться от этого.

* * *

Пришли результаты вступительных экзаменов в Институт политических исследований: я провалилась. Двери других учебных заведений также начали закрываться передо мной одна за другой. Я позвонила в Лицей Фенелона,⁴ Лицей Генриха IV⁵ и Людовика Великого,⁶ чтобы уточнить, могу ли я приступить к занятиям с опозданием на год. Везде мне ответили одно и то же: «Нет, не можете, но ничто не мешает вам заново подать документы на зачисление и сдать экзамены в следующем году». На этот раз жребий действительно был брошен: у меня не было другого выхода, кроме как преуспеть на том пути, по которому меня направила сама судьба.

Если я провалюсь в Нью-Йорке, мне больше не на что будет рассчитывать.

Раз уж я оказалась не настолько умной, оставалось только одно – быть красивой. Я подписала контракт с Elite и была полна решимости стать самой лучшей моделью в городе. Безупречной, достойной наивысшей похвалы – в особенности в том, что от меня требовали. Я нацелилась на то, чтобы сбросить еще больше веса, чем было нужно, научиться идеально ходить и сделать все от себя зависящее, чтобы кожа оставалась всегда белоснежной. Я была готова использовать абсолютно все шансы в свою пользу, чтобы сделать ослепительную, стремительную и головокружительную карьеру. Потому что судьба дала мне этот единственный шанс и я просто не имела права не схватить быка за рога.

При условии, что я смогу «влезать в одежду», конечно.

Когда второй день подряд весы упрямо показали мне цифру в 52,9 килограмма и отказались сдвигаться с этой мертвой точки, что регулярно делали с момента начала моей диеты, я не выдержала. Я призналась во всем маме, которая всегда выглядела стройной и хрупкой, несмотря ни на что. В действительности я никогда не разговаривала с ней на эту тему, а она продолжала молча наблюдать за тем, как я изо дня в день ем свои яблоки. Естественно, она сделала все, чтобы меня приободрить. Она сказала мне, что я очень красивая, что я уже значительно похудела с тех пор, как они выбрали меня, и что мне больше не над чем так усердно работать, поскольку на сброс этих крошечных трех сантиметров в бедрах у меня впереди еще целый месяц.

Тем не менее я опять погрузилась в Интернет в поисках информации о диетах. На всех сайтах говорилось о «плато» – периодах, когда твой вес продолжает стоять на месте, несмотря

⁴ Лицей Фенелона (Lycée Fénelon) – первый парижский лицей, открытый в 1892 году и дающий высшее образование.

⁵ Лицей Генриха IV (Lycée Henri-IV) – одно из самых престижных учебных заведений во Франции, расположено на территории аббатства Святой Женевиевы.

⁶ Лицей Людовика Великого (Lycée Louis-le-Grand) – государственное учебное заведение, расположенное в Париже, в самом центре Латинского квартала. Лицей дает обучающимся среднее и высшее образование.

на то что ты продолжаешь строго придерживаться режима питания. Если можно было бы включить немного физических нагрузок, я, безусловно, смогла бы преодолеть это плато, но любой спорт был под запретом. Все же я позволяла себе иногда поплавать в бассейне и всегда ходила за фруктами пешком, чтобы хоть немного потренироваться, – но делала это только в конце дня, когда на улицы опускалась тень.

* * *

В первый раз в жизни я не отправилась на каникулы в Ла-Боль.⁷ Каждый год со дня моего рождения мы ездили туда вместе с бабушкой и дедушкой. Мне нравился их милый маленький домик, укутанный в лавандовую шаль сада и нежившийся на солнце всего в двух шагах от пляжа. Дедушка брал нас с собой ловить креветки, и мы возвращались пропахшие морем и водорослями. За чаем мы всегда набрасывались на *ниниси* – традиционные карамельки всех цветов радуги, а затем уминали бриоши с желе из черной смородины, что было фирменным блюдом моей бабушки. Или отрезали себе по ломтю хлеба и от души намазывали его маслом и *рийетом*.⁸ Дедушка был истинным ценителем кухни! Когда мне исполнилось десять, они перестали снимать этот дом и перебрались вместо него в огромную квартиру с видом на море.

Именно я первая заметила, что дедушкины руки начали дрожать. Это случилось в тот самый год, когда мне исполнилось тринадцать. Я помнила, как решила взять у него интервью об истории его жизни, потому что восхищалась им и хотела знать о нем все до мельчайших деталей. Каждый день по несколько часов он говорил в мой диктофон о своем детстве и юности. По окончании Национальной высшей школы искусств и ремесел он мечтал стать мастером-стекольщиком или даже учителем искусств и возглавить мастерскую по изготовлению витражей, которую завещал ему двоюродный дядя. Однако его бабушка была категорически против этого. Поэтому он отказался от своей мечты и устроился на работу инженером-землеустроителем, пообещав себе, что, как только выйдет на пенсию, он займется рисованием вместо изготовления витражного стекла. Он прекрасно рисовал, даже превосходно. Но когда он наконец нашел время для рисования, его руки начали дрожать. Всего за каких-то несколько месяцев болезнь Паркинсона поставила окончательный крест на его мечте.

В то лето дедушка особенно плохо себя чувствовал, чтобы отправляться в Ла-Боль. И именно по этой причине мы все оказались в Марселе, в этом огромном, уютном одноэтажном доме, где он мог передвигаться с большей легкостью.

Чем дальше бежало время, тем хуже я себя чувствовала. Меня пугало предстоящее будущее, мысль о том, что я не справлюсь или буду слишком долго разлучена со своей семьей. Видя дедушку в таком состоянии, я особенно грустила. Я любила его очень сильно, и мне казалось, что во многих вещах мы с ним очень похожи. Ему также было знакомо чувство тревоги и чувство страха от того, что ты можешь не оказаться там, где ты должен быть. От того, что ты можешь упустить шанс, не сделать то, что должен, не заметить что-то важное и потерпеть провал в жизни...

Поскольку папы не было с нами, я спала вместе с мамой. Лежала, прижавшись к ней, чтобы навсегда сохранить в памяти запах и теплоту ее тела, специально для тех моментов, когда я буду где-то там совсем одна и мне будет ужасно ее не хватать. Я уже заранее знала, что буду безумно скучать по ней. Невыносимо скучать. Я представить себе не могла, как я буду справляться дальше без нее и без всех остальных.

⁷ Ла-Боль (La Baule) – французский город в регионе Земли Луары. Расположен примерно в 70 км к западу от Нанта и 450 км к юго-западу от Парижа на побережье Бискайского залива. Ла-Боль – центр туризма, известен своими пляжами. В этом городе находится пляж длиной в 12 км.

⁸ Рийет – особенно распространенный в долине реки Луары мясной паштет с довольно грубой и жирной текстурой. Готовится из свинины, домашней птицы или дичи. Обычно используют для приготовления бутербродов.

Уже тогда, посреди палящего марсельского лета, свернувшись калачиком в маминой кровати, я начала чувствовать, что постоянно замерзаю.

Юки

Я скучала по Софи, но не решалась ей позвонить – я не виделась с ней уже сто лет и тем не менее отменила все запланированные на июль встречи. Да и потом, что бы я ей сказала, если бы позвонила? Что я безумно переживаю из-за мыслей о грядущей работе в Нью-Йорке, где мечтала оказаться всю жизнь? Что я не уверена в том, хочу ли стать топ-моделью, когда все девчонки моего возраста только и грезят об этом? Что я боюсь, получится ли у меня поставить одну ногу перед другой и пройти как кошка перед кучей людей или жить как в сказке, питаюсь одними только фруктами? У нее были свои мечты об учебе и получении профессии журналиста – что ей было до моего несущественного экзистенциального кризиса?

К счастью, Лео был всегда рядом и готов поболтать. Несмотря на то что он был намного младше меня, я многим делилась с ним. Если своей эмоциональностью и кучей интимных вопросов Алекс всегда заставлял меня нервничать еще сильнее, то Леопольд слушал очень внимательно и отвечал особо мягко и рассудительно. Он частенько говорил мне: «Ты мне рассказываешь о стольких вещах, что я смогу спокойно стать психиатром даже без получения диплома университета!» Он был таким милым в своих попытках доказать мне, что я КРАСИВА сейчас и шансы на то, что я вдруг резко перестану быть красивой за одну ночь, равны нулю. Что я слишком умна, чтобы не суметь добиться успеха в жизни. Что я уже выгляжу достаточно худой и он не видит необходимости в дальнейшей диете. Что он убежден, что меня пригласят абсолютно НА ВСЕ показы. И самое главное, что мне не о чем переживать, потому что при наличии «Скайпа», электронной почты и смс мы сможем общаться друг с другом каждый день и они всегда будут рядом со мной. Ничто не могло нас разлучить. Даже расстояние в семь тысяч километров и огромная разница во времени. «И знаешь что, Вик? Все мы нереально гордимся тобой. Не у каждого есть сестра-модель. Да еще в Elite!»

Папа наконец присоединился к нам. Я старалась как могла, чтобы не испортить атмосферу, но у меня никак не получалось заглушить свою тревогу. К счастью, цифры на весах сообразовали опять пойти вниз: медленно, но верно я приближалась к 51 килограмму. Так что отец начал просить меня подумать над тем, чтобы снова начать есть хоть немного овощей и мяса. Я думала, что он просто ничего не понимает. Он всегда любил маму и думал, что она самая красивая женщина на свете, но ему даже в голову не приходило, как ей удавалось оставаться такой худой. В действительности у нее был аппетит воробушка. Я всегда видела, как она едва «поклевывает» еду, но никогда не ест. Ей просто не с чего было поправляться. Поэтому, когда папа уже собирался проявить решительность и настойчивость касательно употребления в пищу мяса и овощей, она попросила его не волноваться.

Поскольку больше всего меня пугала мысль о предстоящей разлуке с семьей, я попросила родителей купить мне плюшевую игрушку, которую я могла бы всегда возить с собой и которая придавала бы мне ощущение, что они где-то рядом тоже. Когда они отправились в магазин за покупками, мы с Лео решили придумать игрушке имя. Как особый ценитель азиатской куль-

туры, он объяснил мне, что у каждого японского имени есть свое особое значение, поэтому мы тут же погрузились в Интернет в поисках чего-то подходящего. Это было увлекательно. Мы сразу исключили имя Суки, которое означало «любовь», Фуку, означавшее «удача», но звучащее как-то не слишком привлекательно, а также Касоку, переводимое как «семья». В конечном итоге мы остановились на Юки, с ударением на первую букву. Лео сказал, что в переводе это имя означает «смелость». «Благодаря этому твоя смелость всегда будет с тобой и никогда тебя не подведет». Лео действительно был очень добр, и к тому же он был прав: смелость была именно тем, чего мне реально не доставало...

Родители вернулись из магазина с белым плюшевым зайцем, который был настолько мягок и мил, что я тут же в него влюбилась. Я побрызгала на него мамиными духами и больше уже не расставалась с ним ни на мгновение.

Из Марселя мы направились домой, где к нам присоединился Алекс. Мы собрали свои чемоданы и вылетели в Штаты.

Американская мечта

Я вылетела несколькими часами раньше остальных на другом самолете, потому что агенты из Silent бронировали мой обратный рейс. По завершении нашего семейного путешествия я должна была вылететь из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, чтобы тут же приступить к работе, а остальные – вернуться в Париж. Все вышеперечисленное означало, что я летела рейсом Air France, причем в салоне бизнес-класса, как настоящая звезда! Я думала над тем, было ли это предвестником той новой жизни, которая ожидала меня впереди. Превращающееся в кровать кресло было восхитительным, равно как и миллионы опций, доступных на моем персональном компьютере, и всякие туалетные принадлежности и косметические мелочи для ухода за собой... Подлинная роскошь! Не менее волшебной оказалась и стюардесса, которая сочла абсолютно нормальным мой отказ от трехзвездочного ресторанного меню в пользу свежих фруктов.

Я пребывала в каком-то странном состоянии: чувствовала себя встревоженной и счастливой, отрешенной и нервной, взрослой и совсем еще ребенком одновременно. Я стояла на пороге взрослой жизни и не знала, что бы я делала со всем этим, если бы ни Юки.

До отеля я доехала на *желтом такси*. Ого! Нью-Йорк! Казалось, будто ты находишься в кино, только не со стороны зрительного зала, а на самом экране: такси, запахи, гудящие машины, толпы кишящих и обильно потеющих людей. Бруклинский мост, Манхэттен... Я была в Нью-Йорке. В Нью-Йорке! Я не сомневалась, что мне здесь безумно понравится...

Встретившись с остальными членами семьи, мы тут же отправились исследовать каждый уголок города. Все говорило о том, что это будут потрясающие каникулы: Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лас-Вегас и Лос-Анджелес, и пятеро нас, вместе, в невероятно красивых отелях. Мы говорили об этом целый год и с нетерпением ждали этого путешествия. И хотя я старалась изо всех сил скрывать свои переживания, они с каждым днем все сильнее и сильнее овладевали мной. Я была зверски измотана из-за разницы во времени, к которой я никак не могла привыкнуть. И еще из-за сумасшедшего июля, который я провела в беготне по всем этим агентствам, из-за метаний относительно принимаемого решения, переживаний по поводу здоровья бабушки и провала на вступительных экзаменах в Институт политических исследований...

И еще из-за страха, этого не унимающегося ни на секунду страха.

* * *

Бродя по Нью-Йорку с родителями и мальчишками, я не могла никак свыкнуться с мыслью о том, что уже всего через две недели я все так же буду здесь, но только совсем одна. Центральный парк, Музей Гуггенхайм, Музей современного искусства, район Трайбека, Граунд-Зиро, Бродвей, Рокфеллеровский центр и статуя Свободы – все, о чем я всегда мечтала, было в шаговой доступности, прямо у моих ног. Сначала это меня потрясло, а затем вдруг придавило. У меня было такое ощущение, как будто у меня разжимаются руки и я соскальзываю с отвесной скалы, и это падение будет вечным. Конечно, я никому ничего не сказала, чтобы не портить впечатление от путешествия.

Огромным плюсом было то, что на каждой упаковке еды, которую мы покупали, была указана калорийность. Благодаря этому я приблизительно знала, что делать, учитывая, что взвешиваться мне было негде, так как в номерах отеля не было весов. Я старалась особо не думать об этом. Когда я уезжала из Парижа, обхват моих бедер составлял 89 сантиметров и я весила чуть больше 51 килограмма. Во что бы то ни стало мне надо было сбросить еще один килограмм. Потеря двух или трех кило помогла бы мне полностью успокоиться... В двух шагах от нашего отеля был огромный магазин Victoria's Secret. Мама знала, что я мечтала работать у них. Как знать, возможно, совсем в ближайшем будущем я смогу стать одним из «ангелов» их бренда? Пока же она отвела меня туда, чтобы побаловать комплектом нового белья. Я выбрала красивый кружевной комплект черного цвета с маленьким розовым бантиком: пару трусов, на этикетке которых было написано «Size 0»,⁹ что предположительно соответствовало 32–34-му размеру, и бюстгальтер размера 85A. Меня несколько опечалило то, что объем чашечки уменьшился на два размера, потому что, сказать по правде, мне нравилась моя грудь. Но в свете предстоящей Недели моды это было хорошей новостью (конечно же, я заметила, что большинство девушек на подиуме были плоскими). В тот же месяц впервые не пришли месячные, очевидно, по причине стресса. Но я восприняла это довольно спокойно – по крайней мере, мне не придется беспокоиться еще и об этом во время работы.

На диетическом фронте отец начал идти в наступление. Он все чаще и чаще настаивал на том, что я должна есть хоть немного мяса или рыбы и овощей. Меня это сводило с ума – это была моя проблема, а не его. И если я начну питаться вот так, без возможности контролировать себя на весах, меня разнесет раньше, чем я об этом узнаю. Это даже не обсуждалось, посему мы пришли к компромиссу, что я буду есть с ними всего один раз в день. Я начала отпускать их на обеды и ужины, в то время как для себя покупала фрукты и низкокалорийные салаты, которые можно было съесть в тишине и спокойствии, а главное, без моего отца, подвергающего всякий раз подробному анализу все, что лежало в моей тарелке. Надо знать, чего ты хочешь от этой жизни. Именно он первым подталкивал меня к подписанию контракта, так что теперь было уже немного поздно идти на попятную.

Когда мы ложились спать, я всегда прижималась к Алексу. Мы все трое жили в одной комнате. Я с Алексом спала на двуспальной кровати, а Лео – на односпальной. Мой брат ничего мне не говорил, но он чувствовал, что что-то было не так. И я засыпала, крепко вцепившись в Юки, пытаюсь уговорить себя, что все скоро пройдет.

⁹ Size (англ.) – размер.

* * *

Через три дня мы отправились в Сан-Франциско. Мы вылетали из Нью-Йорка перед самым закатом, и это было так красиво! Через окно иллюминатора я смотрела, как сверкающий город скрывается вдали, зная, что всего через две недели я вернусь туда, чтобы начать свою новую жизнь. Я почувствовала, что вот-вот расплачусь, и закрыла лицо волосами, чтобы остальные ничего не заметили.

Поначалу Сан-Франциско мне совсем не понравился – там было так жутко холодно! Какой смысл был в том, чтобы посреди лета ехать в Калифорнию и замерзнуть там до смерти? Я чувствовала себя уставшей и подавленной. Я точно могла обойтись без всех этих прогулок по настолько крутым улицам, что иногда приходилось буквально карабкаться по ним вверх. Я думала, что никогда не осилю это, периодически отставая от остальных шагов на двадцать и полностью теряя дыхание, как будто я курила по две пачки сигарет в день. Мои родители начали понемногу терять терпение, а Алекс – постоянно дуться на меня за то, что на каждом повороте приходилось меня ждать. Мой дорогой Лео шел позади меня, стараясь приободрить: «Давай, Вик, врубай вторую передачу!» Я бы сделала это с радостью, но это было выше моих сил. Я понятия не имела, что со мной происходит – в ногах абсолютно не было сил, а желудок буквально скрутило узлом. Все тело ломило, а кожа была настолько натянута, что казалось, вот-вот разорвется. Я просто хотела вернуться домой.

К счастью, на следующий день погода установилась хорошая и теплая, и мы решили передвигаться по городу на трамваях. Я стала чувствовать себя намного лучше, к тому же перестала быть для всех обузой, и это сразу изменило все вокруг. Чем больше я узнавала этот город, тем сильнее он мне нравился. Цвета, очень спокойные люди, сады, пляж и синее-синее море!

Я действительно чувствовала себя намного лучше и легче. Легче и легче, сказать по правде. Хотя справедливости ради надо отметить, что предыдущий день завершился на весьма плохой ноте. Папа настаивал, чтобы я пошла с ними в ресторан, где речь опять пошла об овощах и рыбе. Согласна, что они были приготовлены на пару, но в них была еще и заправка. Я сдалась и съела кусок рыбы с кабачками, ощущая себя каким-то чудовищем, пожирающим тысячи калорий. Алекс, который всегда любил поесть и не выносил публичных сцен, наблюдал за мной с ужасом. После чего я пошла спать вся в слезах.

После этого отцу в голову пришла гениальная идея: чтобы хоть как-то унять мои страхи относительно еды, он купил мне весы. Они были электронные и переносные, так что я могла всегда положить их в чемодан и увезти за собой, куда захочу. Жутко нервничая, я взвесилась. Вот уже две недели, как я питалась в ресторанах и гостиницах и, должно быть, набрала килограмма два. Оказалось с точностью наоборот! Я даже немного сбросила и весила уже меньше 50! Весы показывали 49,8, если быть точной. Конечно, весы всегда выдавали определенную погрешность при взвешивании, поэтому следовало быть осторожной. Но в целом все было хорошо, и я могла себе позволить немного расслабиться.

Итак, с совершенно легким сердцем я согласилась поужинать с ними в ресторане в порту. И радости моей не было предела! Если бы я не пошла с ними, думаю, сожалела бы об этом все оставшееся путешествие, потому что не каждый день ты ужинаешь, сидя за соседним столиком с Дугласом Кеннеди! Папа сразу узнал его, а я не могла поверить своим глазам, потому что просто обожала его книги. Я подошла к нему и на своем самом лучшем английском языке, каким только владела, сказала, что я француженка, что я обожаю его книги и что для меня огромная радость встретить его здесь. И он ответил мне по-французски! Он был просто очарователен, а я парила на седьмом небе от счастья. Он дал мне автограф и пожелал удачи в будущем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.